

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ Х. БОТЕВА «БРАТУ»

Аналізуються особливості рецепції вірша болгарського поета Х. Ботева “До мого брата” російськими й українськими перекладачами і пропонує оригінальні схеми, що допомагають наочно простежити ступінь точності відтворення структури оригіналу в їх перекладах.

Ключові слова: Х. Ботев, перекладацька рецепція, схема, лейтмотив, поетизми, структура, форма твору, лексична система.

Стихотворение Ботева «Брату» имеет определенную связь с его первым произведением «Моей матери», что уже отмечалось исследователями его творчества [3, с. 50]. Ее следует искать в разочаровании, душевной тревоге и переживаниях, которые охватили поэта вследствие столкновения с окружающей действительностью. Тут совпали впечатления от пребывания в России и от болгарской реальности. Академик К.Н. Державин заметил, что стихотворение «Брату» «выражает протест, который вызывала в авторе болгарская действительность, тяжкое положение болгарского народа, засилье чорбаджийства» [1, с. 191].

Определенный интерес вызывает переводческая рецепция этого произведения в бывшем Советском Союзе. Первые его переводы сохраняют в основном только идейно-содержательную сторону оригинала. Русский переводчик С. Городецкий, например, изменяет его образы и эмоционально-стилистическую окраску. Если в первой строфе Ботев создает образ из существительного с прилагательным (определение и определяемое: «глупци неразбрани»), то переводчик передает его двумя субстантивированными прилагательными. Информация вроде бы та же, но ощущается некая усеченность фразы и некоторое смягчение образа:

*Тежко, брате, се живее
между глупци неразбрани;
душата ми в огън тлее,
сърцето ми в люти рани.*

*Брат мой! Тяжко мне живется
Между глупых, бестолковых!
Сердце в ранах еле бьется,
Вся душа сгорит готова.*

Значительно слабее стал и образ героя, сердце которого «еле бьется» (у Ботева: «сърцето ми в люти рани»). Стих оригинала говорит о его озлобленности и готовности бороться. Этого не скажешь об образе, созданном Городецким, который перенял вместе с другими ошибками украинский переводчик Сосюра:

*Брате, тяжко мені живеться
між тупих і безголових,
ледве б'ється в ранах серце,
вся душа згорить готова.*

Во второй строфе поэт говорит о своей любви к родине и верности ее заветам. Городецкий, а за ним и Сосюра, делают его ясновидцем какого-то заветного пути. Очевидно, они имеют в виду борьбу болгарского народа за освобождение от османского ига. Ср.:

*Край родимый мой люблю я,   Я люблю свою країну
Путь заветный ясно вижу...   Бачу путь ясну крізь сльоту...*

Между тем у поэта только зреет мысль о борьбе и ее путях, но так ясно он о ней пока не заявляет. Хотя туманные намеки вполне возможны.

*Отечество мило любя,
неговият завет пазя...*

Болгарские исследователи Иван и Цвета Унджиевы отмечают следующее: «Открыв смысл существования, поэт, однако, все еще не видит перед собой ясного пути (подчеркнуто мною. – В.Л.). Конфликт с окружающей средой остается таким же острым, чувство одиночества – таким же сильным. Эти настроения перекликаются с интонациями стихотворения «Моей матери» [3, с. 51]. Как видим, переводчики действительно поспешили с прозрением героя.

Имеется у них и некоторое противоречие. В четвертой строфе они заявляют совершенно противоположное: «...не знаю, Где же радость, где свобода? И безумный стон роняю – Отклик свой на плач народа». («...Не знаю, Де ж та радість і свобода? І свій стогін посилаю – Відповідь на плач народа»). Путаница возникла из-за невнимательности Городецкого, который, ухватившись за созвучные русским болгарские слова, не стал вникать в подробности оригинала, а сочинил нечто свое. Так из ботевского стиха «...неговият завет пазя» («...его завет храню») появился: «Путь заветный ясно вижу». Сосюра просто поверил коллеге по перу: «бачу путь ясну...». В 4-й же строфе Ботев говорит о своем сердце, которое «...не знает ни радости, ни свободы, а безумно волнуется в ответ на плач народа» (подстрочник мой. – В.Л.). Теперь видно, насколько оказался переигранным смысл некоторых стихов в двух рассматриваемых переводах. Если бы Сосюра пользовался оригиналом, то, наверное, не допустил бы те же ошибки, что и Городецкий. Последний воспевает переживания героя, хотя в произведении поэт ведет разговор с братом. Ботев эмоционален: его герой возмущается, страдает, переживает. Городецкий несколько патетичен. В 3-й строфе у него появляются такие явно неудачные строки. Ср.:

*Мечти мрачни, мисли бурни   Распят мыслями своими
са разпнали душа млада;   К буре мрачного мечтанья!
ах, рѣка си кой ще турне   Кто, какой рукою снимет
на туй сърце, дето страда?   С молодой души страданье?*

Городецкий перепутал предлоги «на» и «к». В результате первые два стиха звучат не по-русски: «Распят... к буре мрачного мечтанья». А образ бури здесь не вяжется с простотой ботевских строк. Его здесь и нет. Есть только бурные, беспокойные мысли. Сосюра пошел дальше русского и болгарского текстов, сделав строфу чересчур поэтичной:

*Мов розп'ятий я думками,
в бурі мрій, що мчать без ліку!
хто ж страждання скине камінь
з юної душі навіки?*

Последние две строфы обоих переводов тоже перекликаются между собой. Но и из сказанного видно, что данные переводы несли читателю информацию только о содержании произведений Ботева, их идейной направленности, а стиль и творческая манера поэта растворялись. В этом плане переводы характеризуют преимущественно своих авторов, а не Ботева. К тому же поэзию Ботева украинский переводчик, к сожалению, воспринимает сквозь призму восприятия Городецкого, то есть в его переводе отразилось двойное восприятие оригинала, о чем я уже писал [2]. Таким образом, украинский читатель знакомился с Ботевым в переводе Сосюры через двойную рецепцию разных по своей стилистической манере переводчиков.

Оригинал стихотворения «Брату» состоит из шести катренов с перекрестной рифмовкой в каждом. В стихах по 8 слогов. Эти особенности отражены в рассматриваемых переводах. Имеются в оригинале и столь характерные для Ботева повторы и противопоставления. Разнообразные повторы располагаются в разных частях строф и стихотворения в целом. Противопоставления же здесь не всегда лексически выражены. Часто они выносятся в начало строки. Если эти повторы и противопоставления объединить между собой линиями, то можно получить довольно интересную схему, по которой прослеживаются лейтмотивы данного произведения (см. приложение). Подобная схема была предложена мною в отдельной статье, посвященной анализу переводов первого стихотворения Ботева «Моей матери» [2]. Однако вернемся к стихотворению «Брату». Почти все строфы строятся на противопоставлении и выражают какое-то противоречие, боль поэта. Каждая из них содержит законченное высказывание. Таким образом получается цепочка из 6-ти строф.

В переводах Городецкого, Сосюры и Семынина появляется нечто новое – это лейтмотив героя-поэта, получивший свое выражение в многократном повторении личного местоимения (см. приложение). В оригинале, конечно, есть герой, и он говорит о себе, своих переживаниях. Но он не выставляется таким образом и не производит никаких действий, а только испытывает на себе давление окружающей среды. У Семынина происходит обратное: герой сам распинает себя. Ср.:

*Мечти мрачни, мисли бурни
са разнали душа млада;
ах, рька си кой ще турне
на туй сърце, дето страда?*

*В мыслях мрачных и мятельных
Душу я распял живую.
Чья ж рука утишит нежно
В сердце боль мою большую?*

Так внимание читателя переносится с лица, к которому обращено произведение, на героя: на нем, а не на чувствах делается акцент. Подобное явление свидетельствует о том, что отдельные переводчики не следят за ходом мысли поэта, за композицией произведения. Схемы помогают легко обнаружить любые изменения. У Семынина, например, обращение героя к брату встречается только один раз в самом начале перевода. Далее он забывает о нем, хотя Ботев на протяжении всего произведения трижды повторяет существительное «брат», подчеркивая тем самым, что он адресуется к конкретному лицу, которое может и должно его понять. Как видно из сказанного, один из ходов ботевской мысли не получает своего развития. А вот мотивы народного плача и душевных страданий, связанных с ним, проходят, как и в оригинале, через весь перевод Семынина. Исчезли у него противопоставления в начале стихов.

Семынин вносит и другие изменения. Незаметным штрихом, одним словом он увеличивает страдания героя. Ср.:

*...душата ми в огън тлее,
сърцето ми в люти рани.*   *Вся в огне душа мятется,
Сердцу – в лютых ранах больно.*

Необоснованно переводчик насыщает 2-ю строфу деепричастиями. Ср.:

*Отечество мило любя,
неговоят завет пазя;
но себе си, брате, губя,
тия глупци като мразя.*   *Чтя отечества заветы
И любя его без края,
На себя я кличу беды,
Глупость сильных презираю.*

Причиной такого насыщения явилось, видимо, то, что болгарские глаголы «любя», «пазя», «губя», «мразя» внешне напоминают русские деепричастия.

В основном прослеживая ходы поэтической мысли Ботева, Семынин частично нарушает его стиль. Это можно сказать и о переводе Суркова, где, к тому же (как и у Семынина), тема отзыва (отклика) на народные страдания приглушена. К нарушающим ботевский стиль элементам следует отнести такие поэтизмы Суркова: «Не избудешь ран сердечных», «Сын своей отчизны милой», «Счастья радостной свободы», «...безумье закипает».

Очень близкими к оригиналу оказываются схемы переводов Тычины и Павлычко (см. приложение). Очевидно, выделив основные лейтмотивы произведения, переводчики сделали все возможное для их сохранения. И это принесло им успех.

Сохранили они и противопоставления, имеющиеся в начале отдельных строк. Не вызывает сомнений их стиль. Павлычко, кажется, часто точнее Тычины. Ср., например:

Отечество мило любя... (Ботев)

Батьківщину я кохаю... (Тычина)

Я люблю вітчизну милу... (Павлычко)

*Мечти мрачни, мисли бурни
Са разпнали душа млада ...*

(Ботев)

*Мрії чорні творять муку
Мука ж душу розпинає...*

(Тычина)

*Темні думи йдуть юрбою,
Розпинають юну душу... (Павлычко)*

Оба переводчика сохраняют верность не только структуре, форме, стилю произведения, но и лексической системе. Отражают простоту и народность его образности.

1. *Державин К.Н.* Христо Ботев. – М.: АН СССР, 1962. – 363 с.
2. *Лавренов В.А.* Відображення поетики оригіналу в художньому перекладі (на матеріалі вірша Х. Ботева “Моїй матері”) // Питання літературознавства: Наук. збірник. – Вип. 3 (60). – Чернівці, 1996.
3. *Унджиев И., Унджиева Ц.* Христо Ботев: Жизнь и творчество. – М.: Худож. лит., 1976. – 351с.

Summary

The author of the article analyzes the peculiarities of reception of Ch. Botev's poem “To Brother” by Russian and Ukrainian translators and offers original schemes, helping clearly to see the degree of precision in reflection the structure of the original in their translations.

Key words: Ch. Botev, translator's reception, scheme, leit-motif, poetisms, structure, shape of the work.

Стаття надійшла до редколегії 17.11.2006

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хр. Ботев

КЪМ БРАТА СИ

Тежко, брате, се живее
 между глупци наразбрани;
 душата ми в огън тлее,
 сърцето ми в люти рани.

Отечество мило любя,
 неговият завет пазя;
 но себе си, брате, губя,
 тия глупци Като мразя.

Мечти мрачни, мисли бурни
 са разпнали душа млада;
 ах, ръка си кой ще турне
 на туй сърце, дето страда?

Никой, никой! То не знае
 нито радост, ни свобода;
 а безумно как играе

в отзив на плач из народа!

Често, брате, скришом плача
 над народен гроб печален;
 но, кажи ми, що да тача
 в тоя мъртъв свят коварен?

Нищо, нищо! Отзив няма
 на глас искрен, благороден,
 пък и твоя й душа няма

на глас божий – плач народен!

БРАТУ

Брат мой! Тяжко мне живется
 Между глупых, бестолковых!
 Сердце в ранах еле бьется,
 Вся душа сгореть готова.

Край родимый мой люблю я,
 Путь заветный ясно вижу,
 Но себя, мой брат, гублю я
 Тем, что глупых ненавижу.

Распят мыслями своими
 К буре мрачного мечтанья!
 Кто, какой рукою снимет
 С молодой души страданье?

Нет, никто, никто! Не знаю,
 Где же радость, где свобода?
 И безумный стон роняю –
 Отклик свой на плач народа.

Часто слезы в тайне лью я
 Над народным скорбным гробом.
 Что, скажи, ценить могу я
 В этом мире мертвой злобы?

Нет! Ответа не отыщешь
 На призыв свой благородный!
 Да и ты молчишь, хоть слышишь
 Голос божий – плач народный!

Перевод С. Городецкого

БРАТОВІ

Брате, тяжко мені живеться
між тупих і безголових,
ледве б'ється в ранах серце,
вся душа згорить готова.

Я люблю свою країну,
бачу путь ясну крізь сльоту,
але, брате, сам я гину,
бо ненавиджу глупоту.

Мов розп'ятий я думками,
в бурі мрій, що мчать без ліку!
Хто ж страждання скине камінь
з юної душі навіки?

Ні, ніхто, ніхто! Не знаю
де ж та радість і свобода?
І свій стогін посилаю –
в відповідь на плач народа.

Що крім люті, тут знайду я?
Все прекрасне, цінне гине.
І потайки сльози ллю я
на народню домовину.

Ні, нічого не знайду я,
клич мій тоне у безодні!
Та і ти мовчиш, хоч чуєш
голос божий – плач народний!

Перевод В. Сосюры

К БРАТУ

Тяжко, милый **брат**, живется
 Посреди глупцов довольных;
 Вся в огне душа мятется,
 Сердцу – в лютых ранах – больно.

Чтя отечества заветы
 И любя его без края,
 На себя **я** кличу беды,
 Глупость сильных презирая.

В мыслях мрачных и мятежных
 Душу **я** распял живую.
 Чья ж рука утишит нежно
 В сердце боль мою большую?

Нет такой! Оно не знает
 Ни восторгов, ни свободы,
 Лишь безумно закипает,
 Слыша горький **плач народа**.

Слезы лью украдкой часто
 Над народною гробницей.
 Так чему ж во тьме злосчастной,
 В мире лжи мне веселиться?!

Нечему! **Не жду ответа**
Я на **вызов** благородный,
 И твоей душе неведом
Голос божий – **плач народный!**

Первод П.Семенова

БРАТУ

Жить нам, брат мой, тяжелее
Между глупых и беспечных.
На огне душа истлеет.
Не избудешь ран сердечных.

Сын своей отчизны милой,
Чту завет родного края,
Но напрасно трачу силы,
Глупых, темных проклиная.

Думы, мрачные мечтанья
В душу мне вселили муку.
Кто уймет мои страданья,
Положив на сердце руку?

Нет, никто! Оно не знает
Счастья радостной свободы.
В нем безумье закипает,
Если слышен плач народа.

Тайно, брат, я плачу тоже
Над народною могилой,
Но скажи, что чтить мы можем
В мире мертвом и постылом?

Ничего. Все глуше, тише
Голос честный, благородный.
И твоей душе не слышен
Глас господен – плач народный.

Перевод А. Суркова

ДО СВОГО БРАТА

Тяжко, брате! Серце скніє
 Поміж дурнів і надutih:
 Серце не горить, а тліє.
 Вся ж душа у ранах лютих.

Батьківщину я кохаю
 В заповітах у висотних.
 Та себе ж я погубляю,
 Бо ненавиджу мерзотних.

Мрії чорні творять муку,
 Мука ж душу розпинає.
 Ах, чи покладе хто руку
 На це серце, що страждає?

Ні, ніхто! Воно не знає –
 Ні про радість, ні свободу,
 А безумно мовби грає
 Ув одвіт на плач народу.

Часто, брате, в самотині
 Плачу – бо ж народ в могилі!
 Та скажи: чи є святині
 В цьому світі омертвілім?

Ні, нема! Нема й одвіту
 На твій заклик благородний.
 Та й твоя душа без звіту
 На глас божий – плач народний!

Перевод П. Тычины

ДО МОГО БРАТА

Тяжко, брате мій, живеться
поміж дурнями – боліє
в лютих ранах моє серце,
дух мій не горить, а тліє.

Я люблю вітчизну милу,
заповіт її священний,
та гублю, мій брате, силу
на ненависть до нікчеми.

Темні думи йдуть юрбою,
розпинають юну душу;
хто ж на серце, повне болю,
поскладе правицю дужу?

О, ніхто! Воно не знає
ні про сміх, ні про свободу;
але як те серце грає
відгуком на плач народу!

Часто, брате мій, ридаю
на народних мрій могилі,
чим я дорожити маю
в світі зла, надлюцтва й гнилі?

Нічим! Відгуку не родить
поклик щирий, благородний,
вже й до тебе не доходить
голос божий – плач народний!

Перевод Д. Павлычко